

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/161-172

Научная статья

© Е. В. Фролова, А. И. Хайруллина

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЫХ МИГРАНТОВ В ГОРОДАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения процессов социокультурной адаптации молодых мигрантов в регионах Российской Федерации. Статья написана на материалах этносоциологического исследования, проведенного в Татарстане в 2024 г. среди молодых представителей сообществ мигрантов, проживающих в городах республики. Цель статьи заключается в анализе языковых практик и социокультурных установок в среде молодых мигрантов в городах Республики Татарстан. Авторами рассмотрены актуализированные лингвокультурные практики респондентов; изучены установки на взаимодействие с представителями принимающего населения, а также органами государственной власти, местного самоуправления и иными официальными учреждениями. Проанализированы факторы, влияющие на социокультурную и языковую адаптацию приезжих. Сделан вывод о том, что испытываемый в ряде случаев психологический дискомфорт имеет ситуативный характер и связан с конкретными бытовыми ситуациями, бюрократическими сложностями, которые не имеют долгосрочных последствий. Показано, что молодые респонденты нацелены на получение высшего образования в Республике, приехавшую молодежь привлекает возможность более самостоятельно выбирать будущие образовательные, трудовые и семейные траектории. Материалы статьи могут быть полезными для социологов, психологов, социальных и культурных антропологов, политологов, а также представителей органов и структур, курирующих вопросы миграционной и молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, миграция, этничность, языковые практики, социокультурные ориентации, этнический негативизм

Ссылка при цитировании: Фролова Е. В., Хайруллина А. И. Языковые практики и социокультурные ориентации молодых мигрантов в городах Республики Татарстан (по материалам этносоциологического исследования) // Вестник антропологии. 2025. № 2. С.161–172.

Фролова Елена Валерьевна — к. и. н., доцент, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008 Казань, ул. Кремлевская, д.18). Эл. почта: elenaiup@mail.ru

Хайруллина Аделя Ильмировна — к. и. н., доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008 Казань, ул. Кремлевская, д.18). Эл. почта: aikhayrullina@mail.ru

* Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 г. Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/161-172

Original Article

© Elena Frolova and Adela Khairullina

LINGUISTIC PRACTICES AND SOCIO-CULTURAL ORIENTATIONS OF YOUNG MIGRANTS IN THE CITIES OF TATARSTAN (MATERIALS OF THE ETHNOSOCIOLOGICAL STUDY)

The processes of socio-cultural adaptation of young migrants in the regions of the Russian Federation is a topic of crucial importance in contemporary social studies. The article is based on the materials of an ethnoscological study conducted in Tatarstan in 2024 among young members of migrant communities living in the cities of the republic. The purpose of the article is to analyze linguistic practices and socio-cultural attitudes of young migrants in the cities of the Republic of Tatarstan. The authors reviewed the current linguistic and cultural practices of the respondents; studied attitudes towards interaction with representatives of the host population, government authorities and other official institutions. The factors affecting the socio-cultural and linguistic adaptation of newcomers are analyzed. It is concluded that the psychological discomfort experienced in some cases is situational in nature and is associated with specific everyday situations and bureaucratic difficulties that do not have long-term consequences. The analysis further showed that young respondents are motivated to pursue higher education in the Republic, and young people who have arrived are attracted by the opportunity to choose future educational, work and family trajectories independently. The findings of the article can be of interest to sociologists, psychologists, social and cultural anthropologists, political scientists, and representatives of bodies and structures in charge of migration and youth policy issues.

Keywords: *youth, migration, ethnicity, linguistic practices, socio-cultural orientations, ethnic negativism*

Authors Info: **Frolova, Elena V.** — Ph.D. in History, Associate Professor, Kazan State University (Kazan, Russian Federation). E-mail: eleniaeup@mail.ru

Khairullina, Adela I. — Ph.D. in History, Associate Professor, Kazan State University (Kazan, Russian Federation). E-mail: aikhayrullina@mail.ru

For citation: Frolova, E. V., and A. I. Khairullina. 2025. Linguistic Practices and Socio-Cultural Orientations of Young Migrants in the Cities of Tatarstan (Materials of the Ethnoscological Study). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 161–172.

Funding: The work was carried out at the expense of a grant provided in 2024 by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

Республика Татарстан является одним из основных регионов-реципиентов иммиграции в Российской Федерации. Согласно официальным данным, Республика занимает четвертое место в России по количеству мигрантов (Статья РБК 2024). Традиционным стало и то, что большинство пребывающих ежегодно мигрантов — граждане стран Центральной Азии, при этом первые три места занимают выходцы из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана (Росстат 2025).

За последние 30 лет контингент прибывающих из указанного региона претерпел значительные изменения, обусловленные сменой поколения, имевшего опыт проживания в едином государстве — Советском Союзе. Различные стратегии суверенного социокультурного развития самостоятельных центральноазиатских государств со временем привели к увеличению культурной дистанции между их жителями и населением Российской Федерации. В этой связи актуализируется необходимость изучения особенностей социокультурной адаптации молодых иностранных граждан (в нашей работе мы будем использовать также термин «мигранты» как синонимичный) в поликультурной среде Республики.

Среди отечественных ученых этнологов присутствует достаточно скептическая оценка перспектив адаптации и аккультурации выходцев из Центральной Азии в российское общество (Абашин 2014). В тоже время конкретные субъекты Российской Федерации, и, в частности, Татарстан уже длительное время демонстрируют, что эффективность адаптации мигрантов и их дальнейшие стратегии, связанные с нахождением на территории страны, могут варьироваться в зависимости от комплекса факторов, сформировавшихся в конкретном сообществе. Этнологами республики на протяжении последних десятилетий осуществляются регулярные исследования, посвященные различным сторонам жизни иммигрантов и их взаимодействию с местным населением (Дробижева, Рыжова 2016). Ряд исследований охватывал отдельные категории мигрантов, например, женщин — мигранток (Frolova et al. 2015; Титова Т. А. и др. 2014), трудовых мигрантов и молодых мигрантов (Козлов и др. 2016), а также религиозный фактор в межгрупповых отношениях (Сагитова 2017).

Исследование, составившее источниковую базу настоящей статьи, проводилось с помощью качественных методов (21 глубинное интервью). Респонденты являются представителями наиболее многочисленных сообществ мигрантов в Республике Татарстан: узбеки, таджики, туркмены, киргизы, казахи. В качестве сопоставительных использовались также данные исследования 2023 г., в котором приняли участие 21 респондент узбекской, таджикской и киргизской национальностей, а также исследования межнациональных отношений в Республике Татарстан в 2024 г.

По уровню языковой компетенции можно выделить респондентов с достаточно высоким уровнем владения русским языком (в результате смешанных браков, языковой политики государства исхода, личной стратегии) и с низким уровнем языковой компетенции. Определение единого превалирующего фактора, повлиявшего на владение опрошенными русским языком, не представляется оправданным, поскольку в равной степени свою роль сыграли следующие обстоятельства:

- наследие языковой политики в период СССР, в результате которой в 1940-ые — 1980-е годы значительно выросла доля владеющих русским языком среди населения Центральной Азии;
- действующая языковая политика стран Центральной Азии (в Кыргызстане конституционно русский язык закреплен в качестве официального, в Узбекистане

русский язык таким статусом не обладает, но образовательными программами школ предсмотрено изучение русского языка или обучение на русском языке (существится в 10% школ (сайт Правительства России 2023), в Таджикистане русский язык конституционно закреплен в качестве языка межнационального общения, поддерживается система образования на русском языке);

- личная стратегия, ориентированная на получение более качественного, по мнению респондентов, образования, а также на проживание в России как в стране, по мнению респондентов, с более высоким уровнем экономического, образовательного и социального развития.

К группе с уверенным владением русским языком относятся респонденты, изучавшие русский язык в школе и / или проживавшие в полиэтнической среде до переезда в республику, а также респонденты старшего возраста, получившие языковую практику в советский период. Эти респонденты демонстрируют достаточно свободное владение русским языком. Вместе с тем родным языком большинство из них считает язык своей национальности. Из интервью:

«До переезда я говорила со своей семьей и друзьями на своем родном языке. Я изучала русский язык от начальной школы до последнего класса средней школы. Поскольку там, где мы жили, были русские соседи, я говорила с ними по-русски. Поэтому я улучшила свои знания русского языка и приобрела разговорную практику. Мы переехали в Россию с семьей в деловых целях. Поскольку они, как и я, с детства говорили по-русски, трудностей после переезда у нас не возникло. На самом деле мой отец проходил военную службу в России в советский период. Поэтому после переезда в Россию у нас не было проблем с адаптацией к языку и общественной жизни» (ПМА, интервью 2024 г., жен., казашка, 23 года).

Респонденты — выходцы из Таджикистана, где русский язык конституционно закреплен в качестве языка межнационального общения, обладают достаточной языковой практикой благодаря изучению русского языка в школе, а также опыту межнационального взаимодействия; эти респонденты говорят о хорошем владении русским языком. Из интервью:

«Трудностей в изучении русского языка не было. У меня вообще в детстве было так, что я начинала говорить предложение на таджикском языке, продолжала на татарском, а заканчивала на русском языке. Дома слушали разные татарские, русские песни. Так как я учила в русской школе, мы разговаривали все на русском. И у меня не было акцента. Приехав сюда в Россию некоторые даже удивлялись, что я говорю на чистом русском языке» (ПМА, интервью 2024 г., жен., таджичка, 26 лет).

«Говорил на таджикском и русском. В Таджикистане знание русского очень полезно, потому что многие документы и общение с людьми из других регионов проходят на русском языке. Это помогло мне при переезде в Россию, хотя и здесь пришлось адаптироваться» (ПМА, интервью 2024 г., муж., таджик, 27 лет).

«У нас таджикская семья. Но у нас в квартале, где мы проживали, жили и русские, и крымские татары, корейцы живут, и афганцы живут, и иранцы живут, то есть у нас такой многонациональный микрорайон. Они все друг друга понимают, поскольку общаются на русском языке. Дети, например, таджики и афганцы хотят изучать русский язык — пошли к бабушке русской, и она их учит бесплатно» (ПМА, интервью 2024 г., муж., таджик, 28 лет).

Туркменистан по уровню владения русским языком занимал одно из ведущих мест в бывшем Советском Союзе. Сейчас русский язык имеет там статус языка межнационального общения, и респонденты-туркмены говорят о хорошем знании русского языка. Из интервью:

«В нашем городе все предпочитают на русском языке разговаривать. Я русскую школу закончил в Чартжоу (в Туркменабаде). У нас много русских школ. В принципе, вся наша страна на русском разговаривает. У нас много русских живёт, мы все русскоязычные и культура такая же русская» (ПМА, интервью 2024 г., муж., туркмен, 28 лет).

Результаты исследований 2023 г., продемонстрировали, что высокий уровень знания русского отмечается и у выходцев из Киргизии, что обусловлено как наследием прошлого, так и его высоким статусом в государстве. Из интервью:

«Папа у меня только на русском разговаривает, ему так комфортнее, мама — только на киргизском, ей так удобнее. А я и на русском, и на киргизском разговариваю» (ПМА, интервью 2023 г., киргизка, жен., 23 года).

«В семейном кругу на своем родном кыргызском языке, а в обществе я разговаривал на официальном русском языке... у нас имеются неписанные семейные правила говорить только на родном языке дома...» (ПМА, интервью 2023 г., киргиз, муж., 21 год).

«В Кыргызстане, на Нарыне именно... Ну это такой город, где русский язык не так распространён, имеется в виду, мало кто разговаривает, потому что большинство по национальности являются там кыргызами. ...большинство разговаривает на кыргызском. ...У нас в Кыргызстане это является вторым языком. Я с детства учил русский язык (родным языком считаю кыргызский)» (ПМА, интервью 2023 г., киргиз, муж., 23 года).

Высокий уровень владения русским язык демонстрируют также выходцы из г. Ферганы Узбекистана (Ферганская область входит в число областей Узбекистана, в которых компактно проживает большая часть российских соотечественников) (Посольство РФ в Республике Узбекистан 2025), а Ферганский округ является одним из 5 округов Ташкентской и Узбекистанской епархии Среднеазиатского митрополичьего округа Русской Православной церкви (Патриархия 2025). Из интервью с респондентом, являющимся узбеком по национальности:

«Пока я не пошел в русскоговорящую школу, я предпочел разговаривать только на узбекском. После того, как я пошел в школу, я разговаривал на русском» (ПМА, интервью 2023 г., узбек, муж., 22 года).

Также молодые выходцы из Ташкента, как и Ташкентской области, доля русских среди населения которой является одной из наиболее высоких в Узбекистане, даже в случае мононациональной узбекской семьи демонстрируют уверенное владение русским языком.

Немаловажное значение приобретает и среда, в которой воспитывались иностранные граждане. Так, респондент, выходец из г. Бухары, обучавшийся до переезда в г. Казань в Бухарском государственном университете, говорит о том, что в семьях интеллигенции изучение нескольких языков, в том числе русского, является нормой. Из интервью:

«Я родился в Республике Узбекистана, в городе Бухара, вот мы в семье как раз образованных учителей можно сказать, тогда мы относимся по социальному статусу, к среднему классу, так как все учителя, интеллигенция».

И: «На каком языке вы говорите дома? Вы говорили до переезда на русском языке? Если да, то где вы его изучали?»

Р: «Дома мы разговариваем по-разному, ну, так как мы относимся к интеллигентии в основном с родителями я могу запросто общаться на русском языке и вот можем разговаривать на персидском языке» (ПМА, интервью 2024 г., муж., узбек, 25 лет).

Дополнительным обстоятельством, способствующим усвоению русского языка, является наличие близких родственников — русских по национальности, либо представителей других народов Поволжья. Респонденты говорят о том, что, будучи выходцами из смешанных семей, они практиковали двуязычие как в сфере внутрисемейной коммуникации, так и в сфере дружеских и профессиональных контактов:

И: «На каком языке вы предпочитали разговаривать в период проживания в Узбекистане?»

Р: «На русском. Я училась там в русском классе, но потом в колледж я когда поступила, там был узбекский колледж, я там как-то чуть-чуть пыталась на узбекском разговаривать, но я туда просто заходила редко. Вот, и в институте тоже уже русская группа была, то есть на русском чаще» (ПМА, интервью 2023 г., отец — узбек, мать — русская, жен., 22 года).

«Со стороны, получается, отца узбекско-башкирские корни, а со стороны мамы — русско-таджикские корни... Больше себя, как сказать, 50 на 50 чувствую... Русское и таджикское. Восточные есть нотки, но больше, конечно, русское, я считаю, европейское. Больше разговаривала на таджикском. Ну, обучение я проходила на русском языке и школу закончила, да. И институт у нас, получается, российский, который я заканчивала там. ... мы наполовину так общались (по-русски), да. А наполовину так (по-таджикски)» (ПМА, интервью 2023 г., таджичка, жен., 29 лет).

«Дома с родителями мы могли говорить и на туркменском, и на русском. Мама и папа в целом хорошо владеют русским языком, потому что в нашем населённом пункте русские являются второй по численности группой. Первое место занимаем мы. В окружении моих родителей много коллег и друзей русских. Более того, старшая сестра моей мамы вышла замуж за русского, младший брат моего папы тоже женился на русской. У всех у них есть по нескольку детей, которые тоже говорят на двух языках. Во время семейных праздников мы собираемся все вместе, поэтому говорить только на одном из языков невозможно. С бабушками и дедушками я, как правило, чаще всего говорю на туркменском языке, потому что русским они владеют плохо. Русский язык я знаю не только благодаря родителям и родственникам, но и благодаря тому, что в нашей школе преподавался русский как иностранный язык. В школе и в колледже у нас, помимо туркмен, были ребята разных национальностей — татары, узбеки, казахи. Больше всего было русских. Во многом именно поэтому мой круг общения состоял и из туркмен, и из русских, и из татар. Все перечисленные факторы и помогли мне выучить русский язык ещё до того, как переехать в Россию» (ПМА, интервью 2024 г., жен., туркменка, 24 года).

Таким образом, с одной стороны, на уровень владения языком влияют факторы, которые можно отнести к макросоциальным (статус языка в государстве выхода). Однако

большое значение имеют и микросоциальные факторы — этнически смешанная или этнически однородная семья; полигэтнический или моноэтнический характер среды, в которой происходила социализация, язык обучения в школе.

Вместе с тем, когда в школе русский язык изучается на недостаточно высоком уровне, его освоение обеспечивается благодаря языковой компетенции старшего поколения. Можно говорить о сохранении эффективных механизмов вертикальной трансмиссии в передаче языковых компетенций от старшего поколения к младшему. Из интервью:

«Только на таджикском. То есть у меня не было такого специального, скажем так, курса по изучению русского языка. Просто мой дед служил в России. Он три года служил в России в военно-морском флоте. Я с детства вырос с дедом. И мы каждый день смотрели русские боевики, скажем так, фильмы. ... (В школе) не то, что не учил, конечно, учил, но там просто один час в неделю, скажем так, просто там, да и то, просто приходишь, там учитель задаёт какие-то задания, учит это, учит то-то. ... То есть учеба не... очень-то повлияла на то, что я изучаю русский язык» (ПМА, интервью 2023 г., таджик, муж., 19 лет).

Необходимо отметить роль СМИ в распространении и освоении русского языка. Респонденты, декларировавшие высокий уровень знания русского языка, связывали этот факт с популярностью видеопродукции на русском языке. Из интервью:

«У нас телевидение в основном на русском было. Там сериалы, мультфильмы. С раннего детства я любил смотреть мультфильмы на русском. И так, так, потихоньку учимся. ... целенаправленно не учили» (ПМА, интервью 2023 г., таджик, муж., 22 года).

«В школе там в неделю было два урока английский и русский. И получается, в школе тоже учил, грамматика там и так далее. Потом был типа как колледж, ну не как колледж, там платные курсы, грамматика. А так с папой политику много смотрели и постоянно у папы спрашивали чего-то, как-то» (ПМА, интервью 2024 г., муж., туркмен, 27 лет).

Молодые иностранные граждане рассматривают повышение языковой компетенции как важный фактор успешной интеграции в принимающее сообщество. Представители группы респондентов, приехавших в Россию с недостаточным знанием языка (чаще это жители небольших поселков или моноэтнических регионов), говорят о том, что улучшили его по мере пребывания в Татарстане:

«К сожалению, нам тяжело изучать русский язык, но я пытался. У меня планы были не в Россию (ехать), а, например, в Малайзию или в Америку. Я больше учил английский, ну и одновременно арабский. Но в итоге я приехал сюда, ну у меня были базовые знания, но потом я сидел и учил русский язык, чтобы разговаривать и отвечать на вопросы преподавателей в университете. Я учил русский язык, самоучка: изучал источники, переводил тексты и много общался, чтобы стало легче» (ПМА, интервью 2024 г., муж., таджик, 24 года).

Относительно низкий уровень языковой компетенции выявлен у женщин-домохозяек со средним общим образованием, которые переехали в Татарстан вслед за мужем. Вместе с тем знание русского языка достаточно для обсуждения тем, затронутых в рамках интервью. Это объясняется стратегией поведения с перспективой на длительное проживание, вместе с тем с допущением возможного возвращения на родину. Из интервью:

«У нас в семье говорят на таджикском. Но муж часто сюда раньше работать приезжал, сказал учить язык, что мы в Россию поедем, чтобы я там могла жить. У нас не все знают русский язык, хотя много кто говорит. ..., дети пока будут учиться, я думаю, они тут привыкнут, захотят здесь образование получать, особенно сын, он уже нам такое говорил, я думаю, так и будет. А мы, наверное, все-таки вернемся через несколько лет в Таджикистан, если дети не попросят остаться. Не знаю, я бы хотела жить на Родине, там тепло, хорошо, как-то по-своему» (ПМА, таджичка, жен., 29 лет).

В целом, социокультурная адаптация респондентов в принимающее сообщество проходит достаточно благоприятно. Многие молодые респонденты отмечают, что получают помошь от земляков и заявляют о достаточно активном взаимодействии с национально-культурными объединениями в Ассамблее народов Татарстана, как по утилитарным причинам, так и для удовлетворения этнокультурных потребностей. Общение с представителями своей национальности в рамках национально-культурной организации, общение на национальном языке, и в тоже время возможность взаимодействовать с представителями других культур, проживающих на территории Республики, способствует формированию комфорtnого психологического фона, облегчающего адаптацию. Из интервью:

«Для меня ярким примером взаимопомощи является Дом дружбы народов [Татарстана]. Это место, куда можно прийти со своей проблемой и тебе помогут. Я познакомилась здесь со многими людьми и соотечественниками. Я благодарна сестре, что она привела меня сюда. Находясь среди людей, которые тоже приехали из Таджикистана, есть возможность хотя бы услышать родную речь. Это очень здорово, особенно когда ты находишься в другой стране и далеко от дома» (ПМА, интервью 2024 г., жен., таджичка, 26 лет).

«Я чувствую себя здесь в безопасности. Потому что местные жители, как правило, татары и мусульмане. Поэтому у нас есть этнические, культурные и религиозные связи. Это позволяет нам чувствовать себя в безопасности. Мы не чувствуем себя здесь совсем чужими. Мы можем легко завести друзей. Татарская культура не так уж далека для нас. Потому что мы тюрки. Мы этнически и культурно родственны. Мне очень нравится Рамадан здесь. Он полон радости, и люди больше поддерживают друг друга. Русская культура другая, но адаптироваться не так сложно» (ПМА, интервью 2024 г., жен., казашка, 23 года).

Часть респондентов отмечает определенный психологический дискомфорт, связанный с климатом, бытовыми сложностями и культурными различиями. В частности, отмечают, что привыкли к большей внутригрупповой сплоченности, более строгим правилам поведения в общественных местах: Из интервью:

«Местная культура... Я бы не сказала, в повседневной жизни она не сильно отличается. Тут, наверное, люди более закрытые, чем у нас. У нас постоянная сборность родственников с друзьями. Мы любим пировать. Народ такой сам по себе. А тут этого меньше. Я только в этом отличие, наверное, увидела. А так, в принципе, всё так же» (ПМА, интервью 2023 г., жен., киргизка, 24 года).

«Проблем я не замечал. Честно говоря, для меня было все очень комфортно. Единственный момент, который для меня, видимо, был культурным шоком, то, что люди моего возраста, то есть в основном что парни, что девушки, они грубо выражались, нецензурно, и было пристрастие к алкоголю. Эти вот привычки для меня были не-

множко непонятны и в том числе доставляли психологический дискомфорт» (ПМА, интервью 2023, муж., узбек, 26 лет).

Отмечается и влияние ситуативного опыта, оказывающего влияние на формирование представления о принимающем населении в целом. Из интервью:

«Я бы сказала, что мне сильно бросилось в глаза эта разница в воспитании и менталитете. Нас с раннего возраста учат, воспитывают в уважении и почитании к старшим, как нужно себя вести, например, с чужими. Здесь же мне нужно было привыкнуть, что всё по-другому, потому что в некоторые моменты мне казалось: «как же так можно, грубо разговаривать с матерью?», услышав разговор одной девушки. Я понимаю, что по одному человеку нельзя судить обо всех, но всё равно» (ПМА, интервью 2024 г., жен., таджичка, 26 лет).

Большинство респондентов заявляет об отсутствии негативного опыта взаимодействия непосредственно с органами власти. Из интервью:

«В бытовом, адаптационном и юридическом плане мне помогал отдел адаптации иностранных граждан, комитеты по работы с мигрантами. Они также знакомили нас с российской и татарской культурой, их особенностями, организовывали для нас разные мероприятия и поездки» (ПМА, интервью 2024 г., жен., туркменка, 24 года).

Вместе с тем респонденты отмечают сложности с бюрократическими процедурами, оформлением необходимых документов. Из интервью:

«Бюрократия тоже была сложной. Помню, как мы с друзьями бегали по разным инстанциям, пытаясь оформить все документы. Было много непонимания, но со временем привыкли» (ПМА, интервью 2024 г., муж., таджик, 27 лет).

Об открытых проявлениях этнического негативизма респонденты говорят редко, однако такие случаи, очевидно, имеют место. Из интервью:

«Затем были трудности с, наверное, не сказать, что такое было постоянно со стороны всех людей и так далее, но иногда, то ли по моему внешнему виду, то ли по моим внешним характеристикам, именно черт-лица, как-то сказывалось, что я являюсь иностранцем. И находились люди, которые могли себе позволить вести себя неэтично и порой даже снисходительно. Были случаи и в университете, были и работники, например, сети магазинов «Магнит». Не раз сталкивался с таким. Однако людей гуманных, этичных куда больше, что очень греет душу» (ПМА, интервью 2023 г., муж., узбек, 26 лет).

Отмечается и субъектное острое восприятие нахождения в инокультурном принимающем сообществе, где любое проявление дихотомии «мы–они» рассматривается как заведомо враждебное:

«Есть пассивная агрессия со стороны местных. Это не ощущается, но все равно постоянные вопросы: «А ты тут останешься? Почему ты сюда приехала?» и так далее. Все, что вы спросили, у меня практически раз в неделю обязательно должны спросить. Это и знакомые, и незнакомые, и просто какие-то левые люди на работе. И все, кому не лень, должны спросить, почему я выбрала Казань, как и с кем я тут живу, какие у меня родители, почему я выбрала медицину, как я зарабатываю, как я живу. Вот такие вопросы. Я немного устала от таких вопросов. Мне не тяжело ответить, но когда это происходит постоянно, это немного

подбешивает. Такое повышенное внимание получается к этому вопросу. И все равно тут нужно постоянно доказывать, что ты достойная. Допустим, условно я устраиваюсь на работу, я должна доказать, что я стою этого места. А не просто потому, что я работник. То есть мне нужно прилагать в два раза больше усилий, чем остальные» (ПМА, интервью 2023 г., жен., киргизка, 24 года).

Выходцы из Таджикистана и Узбекистана отмечают, что после событий в Крокус Сити отношение со стороны принимающего населения стало более настороженным. Из интервью:

«Ну, после Крокуса немножко как раз... ну в Татарстане начались немножко проверки и вот кто где проживает. Ну, слава Богу, я живу в общаге и там зарегистрирован. У меня никаких проблем не было, а вот те, которые, ну, такие знакомые дальние, которые как раз на работу приезжали, у них вот стали появляться проблемы. У них, как вам сказать, когда они прилетели, их стали проверять, вот, у них были сложности» (ПМА, интервью 2024 г., муж., узбек, 25 лет).

«Люди стали настороженнее и недоверчивее. После этих событий многие стали смотреть на нас с подозрением. Это неприятно, но стараюсь не обращать на это внимание и доказывать своими действиями, что мы не такие» (ПМА, интервью 2024 г., муж., таджик, 27 лет).

Изучение настроений в среде принимающего населения Республики Татарстан показывает, что сохраняется обеспокоенность от ощущения присутствия большого количества инокультурных мигрантов почти у каждого пятого респондента. Во многом влияет на ситуацию тиражирование эксцессов, связанных с иностранными гражданами, в социальных сетях. Из материалов интервью:

«У некоторых поведение не очень адекватное, например, в отношении девушек, женщин и т. д. если мы говорим про эмигрантов из СНГ из Азии здесь минусы, на-верное, в том, что у них не правильная адаптация к нашей стране и ощущение того, что они могут продолжать жить таким же образом как они жили у себя на родине. ...в последнее время все чаще наблюдаю в соцсетях, это может быть такая целенаправленная акция в Интернете, видео где мигранты агрессивно себя ведут, мне это не приятно. ругань, мат в отношении девушек, женщин, или как они себя ведут в транспорте — здесь возникает неприязнь из-за того, что все это публикует очень часто» (ПМА, интервью 2024 г., женщина, татарка, 35 лет, Нижнекамск).

«[Изменилось ли ваше отношение к мигрантам за последнее время?] Изменилось в худшую сторону из-за то и дело поступающих сообщений о преступлениях, совершенных мигрантами.... Мигранты, в большинстве своем, плохо владеют русским, обладают низким уровнем образования, являются носителями собственной культурной идентичности» (ПМА, интервью 2024 г., мужчина, русский, 44 года).

Традиционно высказывается мнение, что мигранты должны соблюдать культурные нормы принимающего сообщества:

«Я поддерживаю такую точку зрения, что если ты мигрант, то будь добр выучи язык страны или местности, в которую ты приехал. Понятно, что у нас государство многонациональное, но русский все-таки основной язык государства и все конфликты в большей степени заключаются в незнании языка» (ПМА, интервью 2024 г., муж. 25 лет, русский).

«Ну, вот минусы, то, что они приезжают, пытаются тут установить свои порядки. То есть они как-то там привыкли у себя на Родине жить. И они пытаются сюда это, так сказать, установить, внедрить. То есть нарушает этот уклад жизни, который уже сложился. Это вносит какую-то нервозность в текущий момент» (ПМА, интервью 2024 г., муж. 53 года, татарин).

«Мигранты, они тоже приезжают со своей религией, со своим убеждением, со своим верованием. Тут надо, прежде всего, думать о влиянии, но все продумывать вперед... Среди любой национальности находятся люди как положительные, так и отрицательные. А в основном у нас ведь все нормально, у нас нет таких конфликтов, все нормально» (ПМА, интервью 2024 г., жен., 68 лет, маришка).

В целом же, согласно материалам исследований разных лет, у граждан нашей страны сложилось представление о целесообразности пребывания иностранных граждан с экономической точки зрения, а также присутствует готовность к принятию инокультурных граждан в российский социум.

«Я считаю, что Татарстан — многонациональная республика... Приверженцы основных конфессий нашей республики — ислама и православия — распределяются примерно поровну. Следует признать, что национальный состав населения республики динамично меняется. В городах и районах Татарстана появляются новые этнические группы, образуемые преимущественно выходцами из бывших союзных республик. Все это значительно повышает чувствительность региона к любым проявлениям национализма и религиозной нетерпимости... Каждая национальность имеет возможность изучать свою культуру и язык, это и объединяет людей в Республике Татарстан, на мой взгляд» (ПМА, интервью 2024 г., жен., 25 лет, русская, татарка).

Резюмируя, можно отметить, что язык является для молодых мигрантов важным инструментом, способствующим их успешной социокультурной адаптации. Знание русского языка рассматривается как одна из стратегий достижения успеха в принимающем сообществе.

Таким образом, проводимая нашим государством миграционная политика, его многонациональность и многоконфессиональность, общая история со странами, граждане которых составляют большинство среди прибывающих иностранцев, становятся значимыми факторами в налаживании благоприятного взаимодействия между мигрантами и принимающим населением. Вместе с тем, необходимо обратить особое внимание на характер информации о миграционной ситуации, транслируемой в медиасреде, поскольку последняя оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения.

Источники и материалы

Патриархия 2025 — Ташкентская епархия // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. <http://www.patriarchia.ru/db/text/81237.html> (дата обращения: 03.02.2025).

ПМА — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 1. Опись 1. Интервью с иностранными гражданами Республики Татарстан (молодыми мигрантами). Количество: 21 единиц. 2024 год.; Материалы полевых исследований авторов. Фонд 2. Опись 1. Интервью с иностранными гражданами Республики Татарстан. Количество: 21 единиц. 2023 год.

Посольство РФ в Республике Узбекистан 2025 — Согласно данным Посольства Российской Федерации в Республике Узбекистан [Электронный ресурс] // Посольство России в Республике Узбекистан [сайт]. https://uzbekistan.mid.ru/ru/countries1/rossiya_i_uzbekistan_dvustor_sootechestvenniki/ross_sootech_v_respublike_uzbekistan/ (дата обращения: 03.02.2025).

Росстат 2025 — количественные данные представлены на официальном сайте Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан в разделе «Статистические сборники» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [сайт]. https://16.rosstat.gov.ru/publication_collection (дата обращения: 03.02.2025).

Сайт Правительства России 2023 — Из выступления Премьер-министра Республики Узбекистан А. Н. Арипова на 4-м заседании Совместной комиссии на уровне глав правительств России и Узбекистана 18 сентября 2023 года [Электронный ресурс] // Правительство России [сайт]. <http://government.ru/news/49526/> (дата обращения: 03.02.2025).

Статья РБК 2024 — В Татарстане выросло число выданных мигрантам патентов на работу [Электронный ресурс] // РБК [сайт]. <https://rt.rbc.ru/tatarstan/10/07/2024/668e4c139a7947775dc9e1d1> (дата обращения: 03.02.2025).

Научная литература

Абашин С. Движение из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // *Pro et Contra*. 2014. Т. 62. № 1–2. С. 73–83.

Дробижева Л. М., Рыжова С. В. (отв. ред.). Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте. М.; СПб.: Нестор–История, 2016. 152 с.

Козлов В. Е., Фролова Е. В., Вятчина М. В. Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки. Ч. III. / отв. ред. Т. А. Титова. Казань: Глаголь, 2016. 152 с.

Сагитова Л. В. Реисламизация в постсоветском Татарстане и новые культурные границы // Религии и радикализм в постсекулярном мире / отв. ред. Е. И. Филиппова, Ж. Радвани. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2017. С. 91–114.

Титова Т. А. и др. Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: женская трудовая миграция. Этносоциологические очерки. Часть II. Казань: Глаголь, 2014. 245 с.

Frolova E. V. et al. Ethnic Cultural and Religious Practices of Migrant Women in the Republic of Tatarstan // *Journal of Sustainable Development*. 2015. Vol. 8. № 4. P. 177–186. <http://dx.doi.org/10.5539/jsd.v8n4p177>

References

- Abashin, S. 2014. Dvizhenie iz Tsentral'noi Azii v Rossiiu: v modeli novogo miroustroistva [Movement from Central Asia to Russia: in the Model of the New World Order]. *Pro et Contra* 62(1–2): 73–83.
- Drobizheva, L. M., and S. V. Ryzhova (eds.). 2016. *Pozitivnye mezhnatsional'nye otnosheniia i preduprezhdenie neterpimosti: opyt Tatarstana v obshcherossiiskom kontekste (kollektivnaia monografia)* [Positive Interethnic Relations and Prevention of Intolerance: the Experience of Tatarstan in the All-Russian Context]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor–Istoriia. 152 p.
- Frolova, E. V. et al. 2015. Ethnic Cultural and Religious Practices of Migrant Women in the Republic of Tatarstan. *Journal of Sustainable Development* 8(4): 177–186. <http://dx.doi.org/10.5539/jsd.v8n4p177>
- Kozlov, V. E., E. V. Frolova, and M. V. Viatchina. 2016. *Diasporы i soobshchestva migrantov v Respublike Tatarstan: etnosotsiologicheskie ocherki* [Diasporas and Migrant Communities in the Republic of Tatarstan: Ethnosociological Essays], ed. by T. A. Titova. Part 3. Kazan': Glagol'. 152 p.
- Sagitova, L. V. 2017. Reislamizatsiia v postsovetskom Tatarstane i novye kul'turnye granitsy [Re-Islamization in Post-Soviet Tatarstan and New Cultural Borders]. In *Religii i radikalizm v postsekuliarnom mire* [Religions and Radicalism in the Post-Secular World], ed. by E. I. Filippova and Zh. Radvani. Moscow: Institut etnologii i antropologii imeni N. N. Miklukho-Maklaia RAN. 91–114.
- Titova, T. A. et al. 2014. *Diasporы i soobshchestva migrantov v Respublike Tatarstan: zhenskaiia trudovaia migratsiia. Etnosotsiologicheskie ocherki* [Diasporas and Migrant Communities in the Republic of Tatarstan: Female Labor Migration. Ethnosociological Essays]. Part 2. Kazan': Glagol'. 245 p.